

2011/4 (6)

УДК 008:001.8(470)

Содержание

Кондаков И. В.

Теоретическая культурология

Российская культурология как феномен отечественной культуры

Румянцев О.К.

Быть или понимать (Часть 1)

Аннотация. Калейдоскоп признанных культурологических теорий немислим без идей отечественных культурологов XIX–XXI вв., которые в равной степени раскрывают теоретические проблемы культуры вообще и в то же время – проблемы культуры России и русской культуры. В какой мере российская культурология является феноменом отечественной культуры, а в какой – культуры как таковой, вопрос, на который автор пытается найти ответ.

Кондаков И.В.

Российская культурология как феномен отечественной культуры

Ключевые слова: культура, культурология, междисциплинарность, тексты, контексты, цивилизационная идентичность

Ойттинен В.

Теория культуры Вадима Межуева: проблемы и перспективы марксистского подхода

Культурология – воплощение культуроцентризма

Кириллова Н.Б.

От медиакультуры к медиалогии

Феномен культуры среди иных явлений общественной жизни отличается особой универсальностью. Культура, вырабатываемая людьми сознательно или неосознанно, является – через свои ценности, нормы, традиции и т.п. – посредующим звеном между человеком и окружающим миром. В этом смысле ни природа, ни политическая история, ни национальная картина мира не могут быть представимы человеком иначе как через культуру. Более того, сегодня можно совершенно определенно говорить о том, что все исторически складывающиеся и изменяющиеся представления человечества о природе, обществе, человеке и его духовном мире суть, прежде всего, факты истории культуры и только в этом качестве могут быть осмыслены и систематизированы.

Историческая культурология

Иконникова С.Н.

Биография как социокультурное измерение истории

Злотникова Т.С.

Миф о Вахтангове как культурфилософский парадокс

Прикладная культурология

Григорьев А. А.

Размышление о возможности выделения культурологии в отдельный раздел университетского образования

Рылева А.Н.

О программах «Школа культуролога» через призму процесса гуманитаризации и в связи с идеей непрерывного образования

Зеленцова Е. В.,

Мельвиль Е. Х.

Развитие творческих индустрий в России: проблемы и перспективы

Универсальность феномена культуры проявляется и в том, что в рамках целого культуры «на равных» выступают далекие и подчас взаимоисключающие явления. Среди них – наука и религия, философия и искусство, здравый смысл и мистика, массовые коммуникации и творческая интуиция и т.д. Явления, относящиеся к разным историческим эпохам, различным этническим или национальным традициям, опирающиеся на отличные друг от друга природные, социально-исторические, хозяйственно-экономические и иные предпосылки, взаимодействуя между собой и проникая друг в друга, выступают как составляющие той или иной культурной системы. Разные сферы культуры объединяются общим культурно-историческим и социокультурным контекстом, близкими идеалами и мировоззренческими установками, органичной преемственностью ментальных структур, лежащих в основании морфологически различных культурных явлений или разворачивающегося диалога культур [1].

Гуманитарные исследования

Луков Вал. А.,

Луков Вл. А.

Зигмунд Фрейд: жизненность идей

Mediated action: между разумом и культурой : интервью с профессором Джеймсом Вёрчем

Малая культурологическая энциклопедия

Закс Л.А.

Культурфилософская вселенная М.М.Кагана: основания, территории, границы. К 90-летию выдающегося философа (Часть 2)

Рецензии

Поляков Т.П.

«Очень своевременная книга...»

(Музееведческая мысль в России XVIII–XX вв. : сб. документов и материалов / отв. ред.

Э.А.Шулепова. М.: Этерна, 2010. 960 с.: ил.)

Научная жизнь

Кинофестиваль «Дни

этнографического кино»

(25 сентября – 2 октября 2010 г., Москва)

Роль музеев в формировании исторического сознания (обзор международной конференции)

Самосознание (или саморефлексия) культуры – это и есть культурология, трактуемая в широком смысле. В этом отношении культурологическая мысль, как и сама рефлектируемая ею культура, может обретать самые различные формы – культурфилософские, научно-аналитические, религиозно-богословские, художественно-поэтические, политико-идеологические, обыденно-профанные, казенно-бюрократические, гротескно-иронические и т.п. Соответственно, тексты культурологического содержания могут представлять собой ученые трактаты, конкретные эмпирические исследования, свободные эссе философско-публицистического или художественно-ассоциативного характера, поэтические произведения, художественные манифесты, политические доктрины и воззвания, дневники и переписку деятелей культуры... Однако чаще всего эти отдельные аспекты находятся в сложном взаимодействии и активно проникают друг в друга. В любом случае, все это пестрое собрание текстов о судьбах культуры и ее сущности в той или иной мере, независимо от степени научности и аргументированности отдельных текстов, представляет собой факт культурологической мысли как комплексного, многомерного явления, постепенно складывающегося, как мозаика, в истории культуры XX в.

Потому культурология в широком смысле не может характеризоваться одним лишь атрибутом научности; в ней есть и своя художественность, и философичность, и своя политизированность, и широкая вариативная ассоциативность. В лице культурологического знания к концу XX в. мы можем наблюдать явление нового синкретизиса (следующей формы межкультурного синтеза после мифологического и религиозно-схоластического, философско-метафизического и художественно-эстетического, наконец – в XX в. – политико-идеологического). Синкретизм культурологического знания выражен наиболее демонстративно: научный, философский, религиозный и художественный дискурсы нередко сложно (и даже подчас хаотически) взаимосвязаны, перемешаны и переплетены; целое культурологического исследования подчеркнуто многомерно и многозначно, даже демонстративно бессистемно и аморфно (или кажется таковым) [2].

Вместе с тем, выступая как системная рефлексия культуры в целом, во всех ее формах и проявлениях, культурология подобна (структурно изоморфна) самой национально и исторически определенной культуре, включающей в себя, наряду с философскими, научно-аналитическими, художественными, политико-идеологическими и иными специализированными формами рефлексии культуры, большое число неспециализированных форм, представляющих собой обыденную культуру и культуру повседневности. Поэтому «эkleктизм» культурологии, сознательный или бессознательный, глубоко содержателен и органичен самому предмету культурологии – культуре, а строение самой научной области этого знания оказывается в принципе полиморфным, междисциплинарным.

В самом деле, «спектр» культурологических дисциплин воспроизводит в целом структуру гуманитарного знания: философия культуры, история культуры, социология культуры, семиотика культуры, культурантропология, психология культуры, теология культуры, типология культур, история культурологических учений, методология изучения культуры, методика преподавания культурологии и т.п.

Если исходить из того, что реальность мира в сознании, деятельности и поведении людей постоянно (а особенно на исторически ранних ступенях общественного развития и в переходные периоды) представлена в таких культурных значениях и формах, верификация которых теоретически

проблематична, а практически часто и невозможна [3], то следует признать, что культурологический цикл дисциплин воспроизводит «в свернутом виде» картину изучения, осмысления и объяснения самой реальности – в той мере, в какой ее анализ вообще возможен через пелену культурных значений и смыслов, за которой она скрыта (каждый раз исторически обусловлено и закономерно). При этом культурная реальность (замещающая или восполняющая реальность социальную, природную или воображаемую) осмысливается одновременно с разных сторон и в различных аспектах – философском и историческом, социологическом и семиотическом, антропологическом и этнологическом, психологическом и богословском, а в совокупности различных культурных смыслов – в обобщающем, культурологическом.

Представленная в каждом конкретном варианте картина культуры (в которую, как частный случай, включается и «картина природы», поскольку «человек смотрит на природу сквозь призму культуры») [4] является одним из возможных (многочисленных) «срезов» культурного целого, что вполне отвечает многомерной и многозначной природе культуры, имеющей в принципе бесконечное число возможных дискурсов, интерпретаций, а значит, по-своему правомерных дефиниций и описаний. Далее, картина культуры в каждом конкретном случае – это произведение субъекта культуры, индивидуального или коллективного (наблюдателя, участника, творца, исследователя и т.п.), произведение, характеризующееся явной или имплицитной точкой зрения, мировоззренческой и смысловой позицией, определенным культурным языком, которые диктуются субъекту его исторической эпохой и национальной спецификой.

Проблема соотношения социума и культуры, с давних пор решаемая философами, учеными, религиозными мыслителями и художниками с точки зрения первичности и вторичности, каузальности, отражения, означающего и означаемого и т.п., – в свете предлагаемого культурологического подхода, предстает как проблема эпистемологическая, а не онтологическая или, скажем, гносеологическая. В конечном счете, вопрос о зависимости культуры от социума или социума от культуры – это вопрос выбора языка описания, поскольку смысловая цепочка «социум – культура – социум...» и т.д. может быть «разорвана» в любом звене (наподобие Марксовской формулы «товар – деньги – товар»), и, соответственно, интерпретация отношения социум / культура изменится в ту или иную сторону [5].

Культура может быть интерпретирована и оценена через ее «социологический эквивалент» [6], но и социум может быть выражен через соответствующие «культурологические» (или «культурные») эквиваленты [7]. Так, например, Ю. М. Лотман характеризует взаимосвязь быта и культуры русского дворянства XVIII–XIX вв. через соответствующие смысловые структуры (нормы и стереотипы) поведения, знаки повседневной жизни [8], а Б. А. Успенский показывает семиозис самой истории, выявляя культурную динамику смысловых структур мирового исторического процесса [9]. При этом действительное соотношение социума и культуры не меняется в зависимости от характера и направленности интерпретации: культура и социум (на всех этапах культурно-исторического развития, независимо от региона, этнического или национального контекста) как бы «встроены» друг в друга и представляют собой лишь две стороны одного социокультурного целого, амбивалентного по своей природе [10].

Проблема соотношения различных культур или субкультур (национальных и региональных, принадлежащих разным историческим эпохам,

классам и сословиям, стратам и средам) – это тоже культурно-языковая проблема. Строго говоря, языки культуры взаимно непереводимы и не заменимы друг другом. В процессе стихийно развивающегося и специально организуемого диалога культур достигается перевод с одного языка культуры на другой; однако степень адекватности этого перевода (или, напротив, степень модернизации, достигаемой при переводе с одного языка на другой) зависит от множества факторов, связанных как с субъективными условиями (позиция или установка «переводчика»), так и с объективными обстоятельствами (политическая обстановка, эмиграция, состояние цивилизационного кризиса или слома).

Наиболее интересным и значимым здесь оказывается смысловое расхождение оригинала и «перевода» (т.е. формы, цели и причины модернизации культуры в новом культурном контексте), особенно тогда, когда складываются основания для «двойного перевода» с одного языка культуры на другой и обратно [11]. Поэтому одной из важнейших современных задач культурологии является сравнительное изучение «своего» и «чужого» в диалоге культур (как современных, так и исторически удаленных, как территориально смежных, так и разделенных непреодолимыми географическими и смысловыми расстояниями) [12].

Каждая культура стремится при контакте с другой вычитать в ней «свое» (и интерпретировать ее по преимуществу в этом ключе, тем самым «осваивая» ее собственными ментальными средствами) и, напротив, отторгнуть «чужое» (соответственно осудив его, дискредитировав, вытеснив или заместив его «своим»). В этом смысле возможно говорить, что в смысловом поле каждой культуры складывается конфигурация трех смысловых центров: я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого [13]. Взаимодействие этих смысловых центров в каждой культуре с аналогичными смысловыми центрами другой культуры в процессе их бесконечного диалога и определяет характер межкультурных коммуникаций на каждом этапе исторического становления и развития всех культур и субкультур.

Из концепции М. Бахтина явствует, что никакой диалог культур (или цивилизаций) невозможен, если культуры пытаются общаться или взаимодействовать между собой с позиции: «я-для-себя» — «другой-для-себя». Здесь диалог культур вообще не возможен по определению (друг другу в этом случае противостоят два монолога – несообщающиеся сосуды). Для того чтобы диалог возник, национальные или этнические культуры должны обратиться лицом друг к другу: став другим-для-меня и мной-для-другого. Однако и этого недостаточно для полноценного диалога. Здесь не менее важно обладать определенным, хорошо отрефлексированным содержанием (я-для-себя) – с тем, чтобы его передавать для других культур и их носителей (я-для-другого или другой-для-меня).

Можно сказать, что национальное самосознание (я-для-себя) становится основанием для межкультурной коммуникации, общения и взаимобогащения смежных или отдаленных культур. Другой необходимой предпосылкой диалога культур должна стать заинтересованная установка на понимание другого. Без такой установки в мультикультурной среде начнут развиваться (и постоянно развиваются) взаимные недоверие и «ущемленность» культур, ограничивающие возможность межкультурного диалога и нередко приостанавливающие его, а значит, способствующие дезинтеграции целого мировой культуры. Разворачивающиеся на межэтнической почве социокультурные и конфессиональные конфликты в современной «благополучной» Европе – может быть, лучшее тому доказательство.

Моделирование различных ситуаций межкультурной коммуникации, воспроизводящих модель диалога культур – реальный и продуктивный путь организации ценностно-смыслового пространства как мультикультурного и в то же время целостного, единого, метакультурного. Эта проблематика, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении с позиций цивилизационного и социокультурного, семиотического и коммуникативного подходов, которые в совокупности предстают как культурологический, культуроцентристский.

Культурология – контекстология XXI века

Проблематичность культурологии как особой научной дисциплины в контексте истории культуры связана с несколькими ее особенностями, выделяющими ее среди других наук, причем не только среди естественно-технических, но и гуманитарных. Во-первых, это объективная безграничность и в известном смысле неопределенность предметной области культурологии, каковой является вся культура, включая ее саморефлексию (культурологическое знание), ничем не отграниченную от своего предмета и как бы «растворенную» в нем. Речь здесь идет не только о том, что культурология рассматривает различные национальные культуры (в том числе живые и мертвые), их взаимоотношения между собой и мировую культуру в целом; не только о том, что культура условно дифференцируется на «духовную» и «материальную», «художественную» и, например, «политическую» (или «философскую», или «нравственную», или «научно-познавательную»); не только о том, что культуру можно осмыслять диахронически (т.е. в историческом плане), либо синхронически (в контексте той или иной современности), либо ахронически (в контексте вечности, т.е. вневременном, метаисторическом). Все перечисленное – лишь первая степень многомерности культуры XX в., выражаемой культурологией как наукой.

В рамках единого предмета научной рефлексии культурологии оказываются мифология и повседневность, религия и наука, искусство и быт, философия и «здравый смысл», экономика и эзотерика, – причем нередко не только взаимодействующие между собой в едином смысловом контексте, но и одновременно влияющие на одного и того же субъекта культуры. Этот полиморфизм культуры составляет вторую степень культурной многомерности, принципиальную для самосознания культурологии как науки и, по мере накопления синтетических, интегративных тенденций в культуре, его значение для осмысления культуры как целого и для становления культурологии последовательно возрастает. Так, сложившиеся в XIX в. позитивистские схемы дифференциации и классификации научных знаний и соответствующих наук к концу XX в. совсем не работают. На их месте возникают новые процессы и системы, адекватные самому полиморфизму культуры. Самосознание культуры отныне идет одновременно по схемам «многих знаний» [14], что накладывает свой отпечаток и на культурологию как науку.

Культурология в конце XX в. объективно отражает и выражает усиливающийся плюрализм и синкретизм современной культуры во всем мире, проявляющийся, в частности, не только в интенсивной информатизации знания, но и в неклассической интеграции научных знаний вне привычных схем институализированной и организованной обществом научной и околонучной междисциплинарности. Более того, к концу XX – началу XXI в. интеграция научных знаний о культуре и соответствующих наук о культуре складывается нередко по схемам вненаучным (или, если угодно, инонаучным) – обыденного знания, искусства, политики или морали, а также в виде сложного взаимодействия

научного и вненаучного знания. В конечном счете все подобные дискурсы вписываются в модели постнеклассического знания, принципиально ориентированные не только на объект, но и на субъекта познания.

Наряду с методами и принципами различных гуманитарных наук в методологии культурологии аккумулируются модели и принципы, методы и стили, концепты и символы иных феноменов культуры, смежных с науками или даже далеких от науки и научности (теология, теософия, мистика, антропософия, эзотерика). Это уже третья степень культурной многомерности, лежащей в основании современной культурологии, предстающей не столько как наука, но и как инонаучное, принципиально полиморфное, многомерное знание.

К этому следует добавить (во-вторых) еще и субъективную многозначность различных компонентов предметного поля культурологии (для разных субъектов современной культуры эзотерическое знание, религия, наука, техника, искусство, политическая идеология, обыденное сознание представляют ценности разных рядов и различных иерархических уровней культурной семантики). Все это значительно осложняет верификацию культурологического знания, которое поневоле предстает мозаичным и многомерным, принципиально не унифицируемым в единую мировоззренческую и эпистемологическую систему [15]. Так, химия и алхимия, астрономия и астрология, мифология и компьютерные технологии в равной мере являются феноменами культуры, нередко не только сосуществующими в одном времени, но и совмещенными в одном и том же культурном тексте или явлении.

Кроме того, сказывается сама природа культурологической междисциплинарности. Предметное поле культурологии сегодня может быть в равной степени, с равным правом и успехом «приватизировано» историей, философией, социологией, психологией, этнологией, политологией, антропологией, этнографией, искусствоведением, литературоведением, религиоведением, языковедением, семиотикой и т.п., причем в каждом конкретном случае предметные отличия всех перечисленных и иных гуманитарных дисциплин окажутся минимальными, практически неразличимыми. Картина междисциплинарных связей становится чрезвычайно текучей, неуловимо изменчивой, релятивной; границы между научными дисциплинами оказываются размытыми, зыбкими, легко переступаемыми исследователями и творцами культуры в любом направлении и в любом аспекте.

Дело в том, что все гуманитарные научные дисциплины занимаются анализом, интерпретацией, систематизацией, оценкой (и др. операциями подобного рода) различных текстов культуры, в том числе исторических источников, мемуаров, эпистолярных, философских и литературных сочинений, художественных произведений, публицистики, статистических данных, научных гипотез и теорий, политических доктрин и т.д. Опираясь разными методами и исследовательскими технологиями, все названные научные дисциплины и смежные с ними области знания различаются более своей методологией, целями и задачами, нежели предметом изучения. Другое дело, что разными науками из одних и тех же подчас текстов извлекаются разные смыслы – социальные и политические, познавательные и художественные, личностные и коллективные, современные и исторически удаленные, которые затем систематизируются, анализируются и оцениваются в том или ином аспекте, специфическом для данной дисциплинарной (или междисциплинарной) области знания.

В этом (методологическом) отношении культурология оказывается столь же «беспринципно» широкой, как и ее предметная область: она не

только не исключает из своего поля зрения никакие возможные тексты (ибо все мыслимые тексты – это феномены культуры, а все культурные артефакты – реальные или потенциальные тексты), но и не отвергает никаких возможных подходов к ним (поскольку и социально-политические, и художественно-эстетические, и научно-познавательные смыслы не лежат вне интересов культурологии как универсального знания о культуре в целом). Знание, которым оперирует культурология и к выработке которого она стремится, является столь же всеобщим, как и знание, например, философское или религиозное, однако аспект обобщений, значимый для культурологии, оказывается еще более неопределенным, нежели философский или религиозный, так как все знание, находящееся вне философии (например, обыденное знание, повседневность, «здоровый смысл» и т.п.) или вне религии (еретические учения, атеизм, смеховые «кощунства», позитивные науки, внерелигиозное мышление и пр.), могут быть включены без каких-либо ограничений в предметное поле культурологии и реально включаются в него.

По существу, нет таких предметов или областей знаний, которые, будучи сами феноменами культуры, не входили бы в сферу культурологии. Культурологическая рефлексия включает в себя любые другие рефлексии культуры, в том числе принципиально несовместимые между собой. В этом смысле феномен культурологии как новейшего синкретиза последней трети XX – начала XXI в. есть, несомненно, порождение эпохи постмодерна (отсюда ее «всеядность» и внутренняя противоречивость, полиморфизм и мозаичность, разноосновность многообразия и релятивизм).

Есть только одно принципиальное отличие культурологии от других гуманитарных дисциплин, «работающих» с текстами: культурология «занята» не только текстами культуры (и даже не столько текстами), но и контекстами. Более того, можно, пожалуй, заявить, что культурология – это наука, изучающая именно контексты культуры и те смыслы, которые обретают различные тексты, будучи включенными в тот или иной ценностно-смысловой контекст. Восстанавливая или реконструируя контекстуальность тех или иных текстов, культурология выступает в функции универсального посредника в организуемом ею диалоге культур, межкультурных коммуникаций. Далее, можно сказать, что на протяжении истории XX в. все гуманитарные дисциплины (история, филология, философия, социология, психология и т.п.), вольно или невольно проникаются «культурологичностью» и включает в свое смысловое пространство, наряду с культурными текстами того или иного рода, и различные контексты, в которые оказываются включены, на том или ином этапе познавательных процедур, эти тексты и их сочетания, взаимодействия.

Великий русский мыслитель М. Бахтин пронизательно писал в своем знаменитом «Ответе на вопрос редакции “Нового мира”»: «Прежде всего, литературоведение должно установить более тесную связь с историей культуры. Литература – неотрывная часть культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста всей культуры данной эпохи. Ее недопустимо отрывать от остальной культуры и, как это часто делается, непосредственно, так сказать, через голову культуры соотносить с социально-экономическими факторами. Эти факторы воздействуют на культуру в ее целом и только через нее и вместе с нею на литературу» [16]. Сказанное М. Бахтиным о литературе и литературоведении, с позиций культурологии, верно и в отношении истории, социологии, политологии, религиоведения, семиотики, психологии и других областей гуманитарного знания и научных дисциплин. Заменяя слово

«литературоведение» или «литература» в данном суждении Бахтина любым из перечисленных, мы получим столь же справедливое положение культурологического плана.

В одной из последних своих работ («К методологии гуманитарных наук») М. Бахтин еще более заостряет важность своей установки на контекстуальность гуманитарного познания как такового. «Понимание как соотнесение с другими текстами и переосмысление в новом контексте (в моем, в современном, в будущем). Предвосхищаемый контекст будущего: ощущение, что я делаю новый шаг (сдвинулся с места). Этапы диалогического движения понимания: исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые контексты, движение вперед – предвосхищение (и начало) будущего контекста». И далее: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу. <...> За этим контактом контакт личностей, а не вещей (в пределе)», т.е. многоголосие диалогически соотнесенных между собой субъектов культуры [17]. Впрочем, и вещный контекст, с позиций культурологии, предстает, по Бахтину, своего рода текстом, открытым для диалога с другими текстами («вещи, чреватые словом», «потенциальное слово») [18].

Культурология рассматривает литературу и религию, философию и быт, искусство и массовую психологию, политику и подсознание индивида, историю и социум, включая культуру в целом, в контексте культуры, т.е. не просто как конгломерат текстов разного типа и уровня, а как встречу и взаимодействие текстов, как их общение между собой, как их незавершенный (и незавершимый в принципе) диалог. Сам по себе этот контекст может быть также весьма многообразным: он может быть мононациональным или космополитическим, современным, историческим или внеисторическим (метаисторическим), узкосоциальным или собственно культурным, идеологическим и внеидеологичным, общественным и личностным. Все это многообразие контекстов и ракурсов, контекстных «срезов» культуры и дискурсов придает прочтению текстов, включаемых – объективно или произвольно – в те или иные содержательные контексты, исключительную гетерогенность и многозначность.

По существу, культурологический подход придает любому гуманитарному знанию – социологическому, лингвистическому, искусствоведческому, философскому, историческому и любому иному – новое измерение, новую глубину и динамизм. Представленный в том или ином контексте, текст тем самым берется в его изменении, движении, развитии; в каждый момент своего существования он не равен себе и выходит за собственные пределы.

Стоит сказать и о том, что на протяжении второй половины XIX и в XX в. выдающиеся ученые-гуманитарии различного профиля, по мере своего углубления в недра специальных дисциплин, по мере расширения своего научного кругозора, постепенно обретали широту и универсальность культурологического масштаба. Возьмем хотя бы знаменитых российских филологов: Ф. Буслаев и А. Афанасьев, А. Потебня и Александр и Алексей Веселовские, В. Переверзев и Н. Марр, П. Сакулин и Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон и В. Пропп, М. Бахтин и А. Лосев, Н. Конрад и Д. Лихачев, В. Жирмунский и Г. Поспелов, Ю. Лотман и Н. Толстой, А. Панченко и Ю. Степанов... Можно перечислить и другие громкие имена литературоведов и лингвистов, искусствоведов и историков, философов и социологов, этнографов и психологов, представляющих западноевро-

пейскую, американскую или российскую традиции, – достаточно отметить, что проделанная практически каждым из них научная и мировоззренческая эволюция свидетельствует о происходящем в их лице сближении гуманитарных дисциплин в единую междисциплинарную область, предметом которой является культура как целое.

Несомненно, становление особой пограничной науки, синтезирующей достижения и подходы многих смежных гуманитарных дисциплин универсальностью и всеобщностью своего предмета – культуры как целого (культурологии), – является объективно-исторической тенденцией развития самого гуманитарного знания в новейшее время. Она выявляет его целостность, многозначность и многомерность, отражая тем самым отмеченную выше тенденцию – историческое расширение сектора культуры в мире человека.

Усложнение конфигурации гуманитарного знания способствует преодолению методологического схематизма, дисциплинарной замкнутости и рефлексивной однозначности, что достигается выходом исследователей в область принципиальной методологической надрефлексивности, «снимающей» все возможные рефлексивные ограничения идеологического или методического порядка, неизбежные в рамках узкой дисциплинарности [19]. Образование культурологии как гуманитарной дисциплины нового типа говорит о путях преодоления назревшего кризиса гуманитарной методологии, а вместе с тем и самого принципа методологического монизма, к концу XX в. окончательно исчерпавшего себя как парадигма традиционного гуманитарного знания.

Однако понимание этих тенденций субъектами современной культуры, включая ученых, само по себе неоднозначно, многомерно, противоречиво. И нет ничего удивительного, что в русле постмодернистского разногласия в современной отечественной культуре культурология сегодня одними понимается как методологическая «сверхнаука» или метанаука («наука наук»), другими – как конкретнонаучное знание (о культуре и культурах), третьими – как псевдонаучная спекуляция (или даже «лженаука» – вроде астрологии, алхимии, уфологии или «снятия порчи»), четвертыми – как псевдоним того или иного традиционного гуманитарно-научного знания (философского, искусствоведческого, литературоведческого, лингвистического, семиотического, исторического и т.п.), пятыми – как претенциозная эклектическая мешанина всевозможных знаний («вселенская смазь»), шестыми – как междисциплинарная область, заполняемая произвольно... И это только в отечественной науке. А если сюда подключить все мнения на этот счет, появившиеся в европейской, американской и иных культурных традициях! Тогда у культурологии окажется столько же определений, сколько сегодня их насчитывается у самой культуры.

Вся эта разногласица нисколько не отменяет ни культурологии как гуманитарного знания нового типа, ни того места, которое она – вольно или невольно – заняла в российской, европейской и всемирной культуре на рубеже XX и XXI вв. (cultural studies, histoire culturelle, Kulturwissenschaften и т.п.) с тех самых пор, когда А. Белый придумал это слово – «культурология». Однако подобная «мозаичность» и дискретность культурологического и культурного целого, отмечаемая многими исследователями, очень характерна не только для современного познания, одновременно научного и вненаучного, но и для новой, информационной эры в истории мировой цивилизации, в которую мы – не без внутреннего драматизма – только еще вступаем. Культурология – один из важных симптомов и предпосылок этой – во всех отношениях постиндустриальной – эпохи.

Культурология и цивилизационная идентичность

Российская культурология, вольно или невольно, делает акцент на российскую специфику, на концептуальное отражение новой российской идентичности. При этом взор культуролога, с одной стороны, направлен на осмысление национальных традиций, т.е. на имманентный анализ национальной социокультурной динамики, учитывающей менталитет и цивилизационные основания национальной культуры, в том числе советский и досоветский опыт российской культуры. С другой же стороны, своеобразие российской (и, по-своему, русской) культуры и цивилизации может быть понято лишь в историко-типологическом контексте иных культур и цивилизаций – близких и далеких.

И в этом смысле не только философия, литература и искусство, общественная мысль могут быть «русскими», «российскими», «французскими», «немецкими», «американскими» и т.п., но и история философии, литературоведение, языкознание, искусствоведение, культурология могут иметь и действительно имеют национально-культурную и цивилизационную специфику. Впрочем, и физика с химией, и биология с математикой, будучи естественнонаучными дисциплинами, обладают не только исторической, но и своей национальной спецификой [20]. В этом отношении российская культурология, в том числе и в работах представителей русской семиотики культуры (Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц, Б. А. Успенского, Б. Ф. Егорова, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, М. Л. Гаспарова и др.), представляет, прежде всего, национально-культурное явление, и только в силу этого – всемирное.

Глубокое объяснение этому феномену дал А. И. Шендрик. В заключение своей книги «Теория культуры» ученый написал: «Историческая детерминированность индивида образует качественную специфику истории человеческого рода, состоящую в том, что человек как субъект истории не предопределен ее развитию, но формируется по ее ходу. Можно сказать, что он является субъектом истории, поскольку он есть ее результат. С этой точки зрения история может рассматриваться как процесс человеческих свершений, человек же предстает в ней лишь в меру личностного освоения исторического опыта или своей родовой сущности. Этот субъективный – личностный – аспект истории и есть культура» [21].

Не случайно, мы не встретим единой теории культуры, ведь, по мысли А. И. Шендрика, теория культуры – это теории культуры, среди которых есть античные и средневековые, ренессансные и просвещенческие, романтические и позитивистские, западноевропейские и российские и каждая из которых дифференцируются исторически и концептуально-философски. Сказанное означает, что теории культуры различаются между собой, поскольку выражают самосознание разных исторических эпох, специфику различных национальных и региональных культур, творческие индивидуальности непохожих друг на друга мыслителей. Так же неповторимы культурологические концепции, демонстрирующие различное видение культуры в разные культурно-исторические эпохи, разными национальными культурами и цивилизациями, глазами разных индивидов, по-своему выражающих и свою эпоху, и свою культуру, и свою личность как субъект данной культуры.

Не составляет здесь исключения и Россия, и русская культура, представленная отечественной культурологией – в лице А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, П. А. Сорокина, о которых подробно пишет А. И. Шендрик. Список этот

может быть продолжен, а вместе с ним и вереница российских культурологических концепций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Библер В. С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 95 и далее. *Его же.* От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С. 291–300 и др.
- [2] См. подробнее: *Кондаков И. В.* Новый синкретизм на рубеже XXI в. // Теория художественной культуры. М., 2000. Вып. 4. С. 77–80 и др.
- [3] *Руднев В.* Морфология реальности: исследования по философии текста. М., 1996; *Руднев В.* Прочь от реальности: исследования по философии текста. М., 2000.
- [4] *Палий В. Ф., Щербина В. Ф.* Диалектика духовно-практического освоения природы: Методологические аспекты. Л., 1980. С. 20. См. также с. 17–18, 21–25 и далее.
- [5] П. Сорокин, настаивая на том, что «социокультурная система» должна рассматриваться наукой (в данном случае социологией) как целое, подчеркивал, что «общество» не может быть более широким термином, чем «культура», как не могут эти два явления рассматриваться вне связи друг с другом. Единственно возможное различие связано с тем, что термин «социальный» означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как «культурный» означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре)». См.: *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 220.
- [6] *Плеханов Г. В.* Литература и эстетика : в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 123, 129.
- [7] *Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 27–28.
- [8] *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX в.). СПб., 1994. С. 10–12, 355.
- [9] См., например, статьи «История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема)» и «Historia sub specie semiotica» в «Избранных трудах» Б. А. Успенского (М., 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры). См. также: *Успенский Б. А.* Этюды о русской истории. СПб., 2002.
- [10] *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта : (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему. С. 5456; 58–59.
- [11] *Михайлов А. В.* Обратный перевод. М., 2000. С. 16.
- [12] *Кондаков И. В.* «Double translation»: русская культура в эмигрантском дискурсе (культурно-психологический эффект «разрыва») // Мир психологии. 2000. № 3.
- [13] *Бахтин М. М.* К философии поступка // *Бахтин М. М.* Работы 1920-х гг. Киев, 1994. С. 52.
- [14] См., например, статью Г. П. Щедровицкого «Синтез знаний: проблемы и методы» (*Щедровицкий Г. П.* Избр. тр. М., 1995. С. 662).
- [15] См. подробнее мою статью «Верификация [в культурологии]» (Культурология. XX век. Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 1. С. 110–114).

[16] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 329.

[17] Там же. С. 364.

[18] Там же. С. 365.

[19] О соотношении надрефлексивного и рефлексивного в культуре см.: Кондаков И. В. «Нещадная последовательность русского ума» : (русская литературная критика как феномен культуры) // Вопр. лит. 1997. № 1. С. 143–149.

[20] Ср., например, работы Г. Д. Гачева, посвященные национальным мирам в науке: Гачев Г. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. М., 1991; Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры : (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов н/Д., 1992; Гачев Г. Математика глазами гуманитария : (дневник удивлений математике). М., 2006.

[21] Шендрик А. И. Теория культуры. М., 2002. С. 507.

© Кондаков И. В., 2011

Статья поступила в редакцию 16 июня 2011 г.

Кондаков Игорь Вадимович,
доктор философских наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой истории и теории культуры
Российского государственного гуманитарного университета (Москва),
e-mail: igkondakov@yandex.ru

UDC 008:001.8(470)

Kondakov I.

Russian Culturology as a Phenomenon of Russian Culture

Abstract. The kaleidoscope of recognized cultural theories is unthinkable without the ideas of 19th, 20th, and 21st century Russian cultural researchers, who addressed both the general theoretical issues and revealed specific problems of Russian culture. The author challenges a question as follows: to what extent the Russian culturology is a phenomenon of domestic culture and culture as such.

Key words: culture, culturology, interdisciplinarity, text and context, civilisational identity

Kondakov Igor Vadimovich,
Doctor in Philosophy, Professor,
Vice Head of the Department for History and Theory of Culture,
Russian State University for the Humanities (Moscow),
e-mail: igkondakov@yandex.ru